

Ольга
ПАШКЕВИЧ

г. Якутск

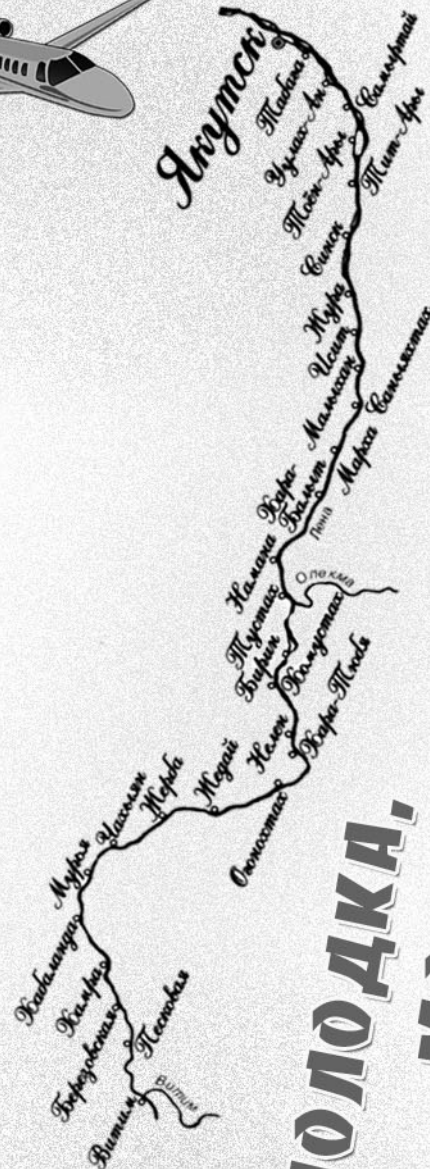
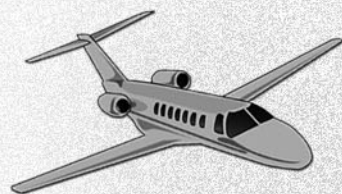
Зинаида Михайловна плакала во сне, от собственных слёз и проснулась. Несмотря на пятый час утра, сквозь плотные шторы пробивалось жаркое июльское солнце, что неудивительно: в Якутске летние ночи белые, светлые.

Женщина закрыла глаза, надеясь вздремнуть, но не давал покоя недавний сон: привиделась ей лошадка, что исправно трудилась при детской инфекционной больнице. Зинаида устроилась в лабораторию больницы в конце шестидесятых годов, сразу после окончания медицинского училища, и ещё не успела привыкнуть ни к лошадёнке, ни к пожилому доброму конюху, когда лечебнице выделили дополнительную машину, а лошадку приказали списать и отправить на мясокомбинат. Конюх пошёл по инстанциям, просил, чтобы разрешили выкупить животное — хотел отвести в родное село неподалёку, но наверху просьбе не вняли.

Проводить в последний путь выведенную из больничного двора любимицу вышел весь медперсонал. Многие подходили к лошади, гладили её, спокойную, не ведающую, в честь чего устроены такие проводы. Женщины плакали, а ребяташки — пациенты больницы с мамочками, до которых дошла печальная весть, грустно смотрели на происходящее из окон.

Зинаида, выросшая в деревне, знающая, какая подмога лошадь в крестьянском хозяйстве, в тот день так сильно расстроилась, что на прибывшую вскоре машину и её водителя, лихого, симпатичного парня, смотрела как на врагов народа, хотя их вины в случившемся не было.

«Надо же, столько времени прошло и вдруг вспомнилось! — удивлялась Зинаида Михайловна. — И не просто вспомнилось, а со слезами. Сколько их, таких лошадок, в ту пору по всей

«МОЛОДКА, МОЛОДКА, МОЛОДЕНЬКАЯ...»

рассказ

стране было пушено под нож? А была ли в том необходимость? Ведь грех же, наверное, так поступать с бессловесной животиной?»

Сердце женщины билось учащённо: шестидесятилетняя Зинаида Михайловна ощущала себя той самой лошадкой-трудягой, на смену которой пришла неодушевлённая машина. Не сегодня завтра и саму Зинаиду, находящуюся пока в очередном отпуске, могла ждать отставка. Причина не в её возрасте или здоровье (за последние восемь лет Зинаида Михайловна ни разу не брала больничный), а в том, что она не владеет компьютером. Женщина бы и рада его освоить, но кто бы научил, а без знания, как пишут сокращённо, ПК ей не пройти курсы повышения квалификации и, соответственно, предстоящей аттестации.

Раньше в лаборанты молодёжь особо не рвалась, тем более в детское отделение. Непросто брать кровь у маленьких детей: тут тебе и крики, и слёзы каждое утро... Поначалу Зинаида Михайловна надеялась, что адаптируется к этому, но нет, не привыкла. Жалко ей деток, а что делать? Без анализов как лечить? Врачу же необходимо точно знать, есть ли улучшение или нет. Сейчас, когда условия по сравнению с прошлыми изменились: не надо стерилизовать те же иглы, пробирки, на помощь пришла аппаратура, — место лаборанта стало востребованным.

Конечно, её, отличника здравоохранения, просто так не уволят, но ведь надо соответствовать требованиям, а тут ни стаж, ни звание не помогут. Собралась в отпуск. Когда Зинаида писала заявление, инспектор по кадрам поинтересовалась: «После отпуска вернётесь?» «Обязательно», — без раздумий ответила женщина. Ответить-то ответила, только вот как обещанное выполнить, теперь не знала. Ещё весной записалась она на бесплатные компьютерные курсы для пенсионеров, но начало их до сих пор откладывается.

Старый сотовый телефон Зинаиде тоже давно пора бы заменить. Иногда, особенно при молодых коллегах, ей даже стыдно его доставать. Нет, у неё есть новая модель, сенсорный, навороченный — сын с невесткой подарили ещё на прошлый Новый год, только как пользоваться им, не показали. Несколько раз Зинаида просила сына помочь, тот обещал

зайти, но забывал, так что лежит подарок в шкафу, ждёт своего часа. А ведь иные её сверстницы, а то и постарше (она сама видела!) лихо на сотовый и фотографируют, и видео снимают, и сообщения отправляют. Зинаида вроде и не глупее их, а ничего этого не умеет.

Женщина с досадой смотрела на компьютер внука Алексея, который учится в Санкт-Петербурге, жалела, что в своё время, пока он жил с ней (отсюда ему было ближе в школу), избегала техники как огня. Уже третий год, вытирая пыль с экрана и процессора, корит она себя за непредусмотрительность. Можно было давно нанять репетитора по объявлению в газете, но пригласить чужого человека в дом не решалась.

Видимо, не даром ей лошадка снилась, того и гляди вызовут в кадры, вручат трудовую книжку — и гуляй. А чем она, вполне работоспособная женщина, на пенсии будет заниматься? К тому же и деньги, как известно, лишними не бывают. Сейчас она внуку понемножку отсылает, а если не работать, то отправить будет не с чего. Тревожно было на душе у Зинаиды Михайловны, а после сна стало совсем тоскливо. Безнадёга полная, да и только.

Вечером Зинаиде Михайловне позвонила соседка Валентина:

— Можно к вам зайти переговорить?

— Заходи, конечно.

— Только я не одна, а с внучкой, из Ленска прилетела.

— Тем более.

Валентинину внуку Лизу Зинаида не видела давно, и хотя показывала соседка её фотографии, но Зинаиде Михайловне она до сих пор казалась дошкольницей в розовом коротеньком платьице, с белым пышным бантом в светлых, аккуратно заплетённых бабушкой волосах. Когда же на пороге следом за Валентиной возникла высокая стройненькая девочка-подросток, женщина всплеснула руками:

— Батюшки! Неужели это Лиза?

Расположились в зале. Лиза смущённо молчала, переводя внимательный взгляд с хозяйки на бабушку, которая жаловалась, что супруг целыми днями на работе, ей самой отпуск не дают, потому что заболела напарница, а в результате внука третий день сидит в четырёх стенах.

— Одна надежда на вас, Зинаида Михайловна. Помогите, пожалуйста, организовать Лизоньке культурную программу, мы заплатим, — попросила Валентина.

Отказать соседке, которая к тому же была землячкой её покойного мужа Владимира, женщине было неудобно. Много раз выручала её Валентина в трудную минуту, да и девочку было жаль — прилететь в такую даль из райцентра, чтобы маяться в квартире, — это никуда не годится.

— Ты в какой класс перешла? — спросила Зинаида Лизу.

— В восьмой.

— Большая уже.

— Большая-то большая, — вмешалась Валентина, — а города не знает. И, честно сказать, мы сами её одну отпускать боимся, вот и сидит внучка: то на телефоне играет, то за компьютером.

Зинаида Михайловна, услышав про компьютер, оживилась:

— Ты умеешь пользоваться компьютером? — обратилась она к девочке.

— Да. А что, у вас есть комп?

— Есть, только я в нём не разбираюсь.

— Так она вас в три счёта научит, — заверила Валентина. — Сейчас такое время наступило: раньше взрослые учили детей, а теперь дети взрослых учат.

Лиза осмотрела компьютер:

— Нет проблем. В принципе, комп у вас не древний, — оценила она технику.

— Тогда сделаем так, — предложила Зинаида Михайловна, — Лиза поможет мне обуздать коня, который именуется компьютером, а за мной обед и культпоходы, например в музеи. Мне, кстати, коллега по весне два бесплатных единых билета на посещение всех музеев города подарила, а я про них и думать забыла, если бы не вы.

— В музей я с удовольствием. У нас в Ленске тоже музей есть, краеведческий, — разговорилась Лиза. — Там очень интересная выставка ямщицкой культуры. Мы же, бабушка, потомки ямщиков государевых? Правильно? Я вам сейчас кое-что покажу.

Лиза достала из кармана джинсов смартфон, провела пальцем по экрану:

— Это, тётя Зина, памятник ямщикам на берегу Лены. Видите, какой большой? Ямщик прямо как живой. Да?

От Лизиного «тётя Зина» у женщины потеплело на душе, давно к ней так не обращались. В последнее время только по имени-отчеству, а тут «тётя», как когда-то называли её друзья сына и внука.

— У меня и запись старинной песни есть. Послушаем?

Зинаида Михайловна отмечала про себя, с каким восхищением смотрела на внуку Валентина, радуясь её знаниям, но, с другой стороны, по-видимому, ей было неудобно отнимать у соседки время.

— Не сегодня, Лиза, поздно уже, — попыталась остановить Валентина внуку, но Зинаида поддержала девочку:

— Давайте послушаем.

— «Молодка, молодка, молоденькая, — слышались женские голоса, которые пели без музыкального сопровождения. — Пришла тёмная ночь, лягу спать одна, без милого дружка, без милого дружка, да берёт грусть-тоска».

Зинаида Михайловна вздохнула под печальные слова, представив исполнительниц морозным вечером в почтовом доме, где в передней под потолком на специальных вешалах сушатся хомуты и седёлки, от которых идёт запах специфического конского пота, а издали слышен звон знаменитого валдайского колокольчика. Долгие годы хранился такой и в семье Зинаиды.

Валентина, когда отзвучала песня, тихо спросила:

— Откуда это у тебя?

— На прошлой неделе ходили на встречу с участниками экспедиции по следам государевых ямщиков. Нам сказали, что это очень старая песня.

— Да, наши предки сильными людьми были, — высказалась Зинаида Михайловна, — в таких суровых условиях выжили и культуру свою сохранили.

— Между прочим, на следующий год двести семьдесят пять лет будет со дня основания Иркутско-Якутского тракта.

— Откуда ты, Валентина, всё знаешь? — удивилась Зинаида. — Вроде не в учреждении культуры трудишься.

— Как откуда? У нас ямщицкая община создана, фестивали проходят, часто в селе бываю. Жаль, что вас вытащить никуда не могу, пос-

тоянно приглашаю, а вы всегда почему-то отказываетесь.

— Это правда, — посетовала Зинаида. — Слушай, а у тебя, кажется, есть книга о ямщиках. Можешь дать почитать?

— Хорошо, сейчас отправлю с Лизой.

Поздним вечером, нарушая традицию, Зинаида Михайловна не стала смотреть очередной телесериал, а открыла принесённую девочкой книгу. Сразу на форзаце увидела карту-схему станций Иркутско-Якутского почтового тракта от Якутска до Витима. Вот и Синск, родное село Володи. При жизни супруга они нередко бывали там вместе. Поначалу Зинаиде непривычно было общаться с его родными: свекровь, с виду славянка, совсем не говорила по-русски, зато свёкор хорошо владел и якутским языком, и русским. Синск ассоциировался у Зинаиды с лесом, грибами, со спелой брусникой, с вкусной домашней картошечкой — сельчане называли её картофаном. Любил супруг Зинаиды Михайловны косить сено, и охотником, и рыбаком был заядлым.

Тогда они, молодые, в городском Доме культуры не пропускали ни одного нового кинофильма и концерта, инициатива обычно исходила от Владимира, а как его не стало, заперла себя Зинаида в четырёх стенах: работа — дом — работа, а зря, наверное, зря. Не похвалил бы её за это Володя — точно.

Она листала книгу, натываясь на знакомые имена и фамилии, лица и места, и радовалась тому, что жива память людская о Володиных земляках, о тех, кто основывал на тракте почтовые станции, превратившиеся позже в целые деревни и сёла. К сожалению, многих из них уже нет на карте, но остались они в людских сердцах, как и песни, и традиции, что принесли с собой государевы ямщики в далёкую Сибирь и Якутию.

Сквозь плотные шторы пробивалось утреннее солнце. «Молодка, молодка, молоденькая», — вспомнила, проснувшись, Зинаида Михайловна и улыбнулась новому дню.

После окончания финансового института Лиане повезло с трудоустройством. Правда, представляла она себя как минимум бухгалтером на каком-нибудь заводе, а не «помогайкой» в отделении банка, но всё равно можно было считать, что судьба девушке улыбнулась. К тому же наметилась перспектива карьерного роста, а значит, увеличение дохода, и поэтому можно было

уже не довольствоваться дипломом бакалавра, а нацеливаться на магистратуру.

С первой полочки Лиана сделала небольшие подарки родителям и предложила матери, которая ведала семейной казной, половину зарплаты. От денег родители категорически отказались: «Одевайся, обувайся, откладывай на отдых, на учёбу — вдруг не поступишь на бюджет». Лиана не согласилась: «Давайте так: за мной квартплата, а также порошки, шампуни и прочая мыльная мелочь». Возражений не последовало: родители Лианы ещё трудились, а мать уже и пенсию получала.

Девушка не случайно искала должность в бухгалтерии: ведь бухгалтер в основном имеет дело с документами и цифрами, а не с людьми. Обязанности «помогайки» предполагали совершенно противоположное: почти весь день на ногах, клиенты разных возрастов, и каждому нужно доходчиво рассказать, как снять деньги или зачислить, как провести платежи, и так далее, и так далее. И всё с улыбкой, вежливо, даже если у тебя на душе кошки скребут. Впрочем, у Лианы поводов для плохого настроения не случалось, и она смело строила планы на ближайший год.

Присмотрела в Интернете санаторий в одном из курортных городов на Черноморском побережье и теперь мечтала об отдыхе в сентябре, в так называемый бархатный сезон.

Деловые качества Лианы на работе оценили, и уже спустя три месяца девушка стала консультировать клиентов по вопросам кредитования. Лиана, родные которой, как и она сама, никогда не прибегали к кредитам, и представить не могла, сколько, оказывается, желающих получить деньги в долг. Кто-то нуждался в малых суммах, кто-то в крупных, и всем, особенно людям пожилым, нужно было что-то посоветовать, понятно объяснить, порой не один раз.

К вечеру, если был большой наплыв посетителей, девушке уже не хотелось ни с кем общаться, благо, такая возможность у неё имела. Отец с матерью не надоедали допросами с пристрастием. В своей комнате Лиана могла прогуляться по социальным сетям, послушать спокойную инструментальную музыку, почитать. Ей было хорошо в уютном родительском гнездышке...

Но однажды после ужина, когда они с матерью

остались на кухне вдвоём, та как бы между прочим сообщила:

— Вера приедет скоро с детьми.

Лиана удивилась:

— Посреди зимы? Надолго?

— Насовсем.

Мать внимательно смотрела на дочь, желая понять, какое впечатление произвели её слова.

Девушка встревожилась:

— А где они будут жить?

— Пока с нами, после переберутся в новостройку.

— С чего она надумала переезжать? — недоуменно спросила Лиана. — Там же она в мэрии каким-то начальником. А Коля? Она без него едет? — дочь забросала мать вопросами.

— Я же тебе рассказывала, — упрекнула её родительница, — что шефа Веркиного то ли сняли, то ли не переизбрали, а новый пришёл, как водится, со своей командой.

Лиана молча допивала чай, пытаясь вспомнить, когда же мать говорила ей об этом, но не смогла. Сама же она общалась с сестрой только по праздникам и в дни рождений, обходясь чисто формальными поздравлениями. Возможно, причина таких отношений крылась в большой разнице между ними — почти двенадцать лет.

Но, скорее всего, дело было в другом: Вера и Лиана резко отличались и внешне, и по характеру. Крепко сложенная, среднего роста, ширококостная Вера постоянно рвалась в лидеры. Она увлекалась лёгкой атлетикой, с удовольствием плавала и ходила в турпоходы. Училась Вера средне, но с большой охотой занималась общественными делами. В последний школьный год ей часто звонили одноклассники, постоянно заходили подруги, нередко и сама она отправлялась к кому-нибудь в гости.

На просьбы родителей сводить младшую сестру в кино или просто на прогулку Вера неизменно отвечала, что ей некогда, но при этом могла без умолку болтать по телефону. Когда ей всё же приходилось забирать Лиану из детского сада, то маленькая сестрёнка на каждом шагу только и слышала: «Быстрее! Скорее! Ползёшь как черепаха! Малявка!» Своим знакомым, иногда даже при сестре, Вера жаловалась на «малявку», а бывало, и смеялась над девочкой вместе с ними. Лиана не плакала и не ябедни-

чала родителям, потому что не знала, как бывает по-другому, и не особенно скучала по сестре, когда та уехала учиться. После окончания института Вера вдали от родительского дома благополучно устроилась по специальности и вышла замуж. «Обеспеченный, один у родителей, красивый, благородный». Эту характеристику зятя, данную отцом, тринадцатилетняя девчушка запомнила накрепко.

В отличие от Веры, меланхоличная Лиана избегала шумных сверстников и предпочитала возиться с куклами или читать книги. С тех пор как огромный, как ей показалось тогда, баскетбольный мяч, брошенный наугад старшеклассником (непонятно каким образом оказавшимся в спортзале во время урока у третьеклашек) угодил ей прямо в лицо, физкультура стала её самым любимым предметом.

Учительница, пожилая, рыхлая женщина, далеко не атлетического телосложения, останавливая кровотечение из носа, вместо того, чтобы успокоить девочку, выговаривала: «Нечего было там стоять!» И опять Лиана не подняла шума, не рассказала папе с мамой о случившемся, только стала под разными предлогами пропускать физику. Она регулярно делала по утрам зарядку, а став студенткой, начала охотно посещать тренажёрный зал, однако всего, связанного с массовым спортом, упорно избегала.

Подруг у Лианы было немного, от длительного общения она уставала. Единственный внешний признак объединял сестёр: пышные, слегка волнистые, как у матери, волосы, но у светлоглазой Веры они были русые — отцовские, а у кареглазой Лианы чёрные — материнские.

Вера ещё дошкольницей наотрез отказалась от косичек, бантиков, заколочек, и, в конце концов, смирившись с желанием ребёнка, родители согласились на короткую стрижку, которую старшая сестра предпочитала до сих пор. Лиана, наоборот, любила длинные волосы. Ей нравилось экспериментировать с ними, то заплетая их, то подбирая под ободок. А ещё у Веры на лоб спадала густая чёлка, Лиана же оставляла его открытым — это придавало её лицу чересчур серьёзное выражение.

После отъезда Веры их общую с сестрой комнату Лиана постепенно стала считать своей. Сейчас здесь многое изменилось: обои, ме-

бель, шторы, светильник. От Веры остались несколько художественных книг и кубок с гордой цифрой «1» за участие в спортивной эстафете. Лиана не стремилась обогнать сестру ни в карьере, ни в спорте, а чувствовать рядом её крепкую и сильную руку всё-таки хотелось, но желание сошло на нет после последней встречи три года назад.

Тогда она, уже студентка-второкурсница, приехала навестить сестру вместе с родителями. Обнявшая Лиану Вера с удивлением обнаружила, что даже на каблуках едва достаёт ей до подбородка, но, как прежде, растянув в презрительной улыбке губы, надменно процедила: «Привет, Малявка!» Эта фраза привела Лиану в замешательство. Конечно, она могла бы ответить сестре чем-то типа: «Привет, старушка» или «Здорово, великанша!» Вера действительно прилично выросла, но не вверх, авширь. Однако начинать пребывание в гостях с перепалки Лиане не хотелось. Муж Веры Николай, перехватив недоумевающий и расстроенный взгляд свояченицы, обратился к жене:

— Хватит тебе уже!

— А что? Я ничего, — произнесла как ни в чём не бывало Вера. — Малявка моя приехала.

И снова старшая сестра оказалась занятой, и опять у неё возникла «запарка» на службе. Она уходила рано утром, появлялась поздно вечером, раздавала указания всем, за исключением Малявки: Николаю, четырёхлетнему Костику, родителям. Лиана для неё словно не существовала. Девушка ещё надеялась, что они с сестрой когда-нибудь сядут рядом, как это крайне редко случалось в детстве, и поговорят обо всём. Многим намеревалась Лиана поделиться с сестрой, многое рассказать, но... Приехавших развлекал Николай: возил в музеи, по торговым центрам, где дедушка с бабушкой покупали внуку игрушки и кое-что из одежды и обуви. Потом навещали родителей Николая, живших за городом в большом двухэтажном доме.

Дача сестры, куда Николай повёз их на шашлыки, стояла запущенной: и строение, и огород. Зять смущённо разводил руками: «Некогда, хоть кого нанимай». Неприятное впечатление сгладил ближайший лес, речка, свежий воздух. Костик привязался к Лиане, и она охотно гуляла с ним, отвечая на забавные, а

порой такие курьёзные вопросы, которые и взрослому не придут в голову.

— Какая здесь красивая природа, — восхитилась Лиана.

— А природа — она кого родила? — поинтересовался Костик.

Девушка растерялась.

— Людей, нас с тобой.

— Нас родил Бог, — очень серьёзно поправил её племянник, — а природа кого родила?

Костя называл её Лианой, опуская слово «тётя», а однажды, когда все собрались за столом, словно подслушав её мысли, обращаясь к Вере, громко возмутился:

— Мама, почему ты называешь Лиану Малявкой? Называй её просто Лианой!

— А почему ты называешь её не тётей, а Лианой?

Костик не нашёлся что сказать и только улыбнулся в ответ.

Вечером накануне отъезда родных Вера вернулась пораньше. Выпив фужер шампанского, раскрасневшись, стала хвастаться своей должностью, доставая из шкафа альбомы, показывать фотографии, на которых она отметилась со знаменитыми политиками и артистами. Не давая никому вставить слова, хвалилась своими наградами, премиями, рассказывала о поездках за границу. Потом пригласила мать с сестрой в гардеробную, чтобы продемонстрировать дорогие меха и новую кожаную куртку, после чего повела в спальню. Там, вытащив из сейфа шкатулку с золотыми и серебряными украшениями, подробно поведала о каждом, предъявляя сохранившиеся ценники. Лиана надеялась (на такую возможность ей намекнула мать), что Вера сделает ей какой-нибудь подарок, и когда та пригласила её в кабинет, пошла в полной уверенности, что сестра хочет что-то ей преподнести, может быть, даже втайне от Николая — кто знает, какие у них на самом деле отношения.

Однако Вера, властным голосом приказав сестре сесть, неожиданно прочитала ей нотацию о том, что нужно уважать родителей, помогать им и беречь их.

— Поняла, Малявка? — спросила она, завершив речь.

— Поняла, — Лиана, готовая заплакать, встала,

чтобы идти, но Вера бросилась вслед: — Подожди! Я не договорила!

Она попыталась схватить младшую сестру за руку и развернуть к себе, но та, вырвавшись, вернулась в зал. Девушке повезло: родители, смеявшиеся над чем-то вместе с Николаем, не заметили её плохого настроения.

Перед глазами Лианы ещё долго стояли Веррины шубы, разложенные на двуспальной кровати, как на прилавке, а в ушах слышалось: «Надо родителей беречь!»

Тогда у Лианы даже возникло подозрение — не пожаловалась ли мать Вере, но вскоре недобрая мысль исчезла. Нет, нотации сестра подготовила по собственной инициативе. С чего отцу или матери быть недовольными младшей дочерью? Она не требует от них денег, довольствуется стипендией, занята учёбой, помогает по дому. Да, случалось пару раз — она задерживалась с однокурсниками, но заранее предупреждала, что вернется поздно.

Но родители, по-видимому, догадались, что у дочерей произошёл разлад, однако до причины доискиваться не стали. Только на обратном пути, уже в аэропорту во время ожидания посадки в самолёт, мать, приобняв младшую, пожалела:

— Эх, детка ты моя... У Веры нашей сколько нарядов всяких и драгоценностей, а у тебя одни серёжки скромненькие.

— Да ладно, — отмахнулась Лиана, — богатство — дело наживное. В нём разве счастье?

— А в чём, ты считаешь? — полюбопытствовал отец.

— Думаю, в том, что тебя ждут в родном доме и ты спешишь туда, где бы ни находился, — предположила она. — А Вера, кстати, не очень торопится к семье. Костик по ней, конечно, скучает, а Николай? По-моему, у него двойная жизнь. Неискренний какой-то, но, может быть, мне так показалось, — постаралась она успокоить родителей, заметив тревогу в их глазах.

— Как бы Коля от нашей дочки не сбежал, — высказал опасение отец. — Грубоватая она. И раньше была не сахар, а теперь при высокой должности и совсем разошлась.

Вопреки пессимистичным прогнозам родителей, вскоре стало известно, что Вера на четвёртом месяце беременности. Второго внука назвали Михаилом. Старшая сестра теперь сидела дома,

занималась детьми. На электронную почту Лианы время от времени приходили от неё фотографии: счастливый папаша Николай на прогулке с сыновьями, снимки с новогодних утренников, посещения зоопарка и поездок за город.

Правильно замечено, что чужие дети растут быстро. Не успели оглянуться, а Вера уже вышла на работу, и вскоре семейная чета собралась ехать на отдых за границу, решив подкинуть внуков бабушке с дедушкой и тёте, но накануне поездки почему-то сорвалась.

— Не понимаю, — поделилась Лиана своими соображениями с матерью (приезд, а точнее переезд сестры беспокоил её). — У них там налажен быт, Вера хвасталась большими связями, и что?

— Не знаю, — мать ответила тихо, видимо не хотела, чтобы услышал муж.

— А здесь? Кто их ждёт?

— Верку подруга пристроит, не беспокойся.

— А Николай? Он приезжает?

Мать помотала головой.

— Они разводятся, что ли?

И снова мать, подав Лиане глазами знак, что боится реакции супруга, прошептала:

— Ребятишкам сказали, что Колька по контракту уехал за границу работать на год, а на самом деле, — при этих словах женщина прижала к губам палец, — где-то в монастыре послушником грехи замаливает.

— Да ты что, мама? — отпрянула Лиана. — Какие у него грехи?

— Иди к себе, — попросила мать, — после расскажу.

Сообщение матери повергло Лиану в уныние. Выяснилось то, что тщательно скрывалось от отца-гипертоника. Ещё до знакомства с Верой Николай был заядлым картёжником. Несколько раз его родителям приходилось гасить долги непутёвого сына, о чём Вера, конечно, не ведала. После женитьбы Коля, казалось, потерял интерес к азартным играм, но в последний год, едва у жены закончился декретный отпуск, пристрастился снова.

— Вот и решила Вера вернуться, дабы от дружков Кольку отвадить. Машину-то, говорит, он продал, чтобы с долгами рассчитаться. Проиграл много. Ну нормальный ли? Она же,

наверное, больше миллиона стоит. Сколько говорила Верке, чтобы к Николаю и деткам поласковее относилась, но как об стенку горох! — возмущалась мать.

Но Лиана встала на сторону сестры:

— При чём тут Вера, мама? Он же взрослый человек. Сколько ему? Сорок?

— Тридцать восемь, кажется.

— Вот. У них дети, ими нужно заниматься, а он сам как ребёнок. Выходит, у него игровая зависимость. Сейчас многие от этого страдают, не только карты, но и компьютерные игры. Увлекаются и не могут оторваться. Вера надеется, что пребывание в монастыре Коле поможет. Да, осталось только на Бога уповать. А друзья... Проблема в самом человеке, если сам не изменится, то и здесь найдёт себе товарищей по картам. Страшно-то как...

— Что страшно?

— Встретить вот такого Николая и полюбить, а потом возиться с ним. Хорошо, если ему это послушание поможет, а если нет? Но к чему такая спешка?

— Тут вроде как должность для Верки намечается, опять же Костеньке в школу на будущий год. Соскучилась я по ним, своим зайчикам. Я только боюсь, что, если Верка начнёт командовать в доме, отец не потерпит и скандал случится.

— Знаешь, мама, — призналась Лиана, — а я ведь тоже не потерплю.

— Потерпи уж, доча, что же делать? Не иди же им на квартиру. Пока она сама устроится, пока ребят отдаст в детский сад, мы хоть за ними приглядим.

— Постараюсь, — пообещала Лиана.

Первые дни пребывания Веры с детьми в родительской квартире были относительно спокойными. Гости вели себя скромно: кушали то, что подавали, без спроса ничего не трогали, разговаривали негромко. Мать взяла отпуск без содержания, смотрела за внуками, пока дочь бегала по городу, а бюрократической возни хватало: и прописка, и медосмотр, справки для детского сада, и трудоустройство, и встреча с застройщиками.

Если Костик охотно оставался с бабушкой, то Миша, едва за матерью закрывалась дверь, начинал плакать — сначала тихо, потом громче и громче. И старшему брату, и бабуш-

ке приходилось утихомиривать его. На прогулку, благо, сильных морозов не случилось, старший шёл с радостью, Миша же капризничал, не желая одеваться. На улице вёл себя тоже не лучшим образом: то вырывался и убегал далеко вперёд, не реагируя на просьбы подождать, то залезал в сугроб, то не хотел кататься с горки, то, наоборот, возвращаться домой. Стоило бабушке однажды повысить голос, как Миша заявил вернувшейся Вере, что баба Галя злая и его бьёт. Это рьяно отрицал Костик, но Вера, решив, что прав младший сын, довела мать до слёз.

Постепенно гости всё больше и больше захватывали квартиру. Игрушки и вещи валялись не только в зале, который мать специально освободила для детей и Веры, но и на кухне, и в коридоре. Особенно старался Миша, имевший привычку таскать куски. Бабушка и Лиана пытались делать ребёнку замечания, объясняли, что есть надо за столом, но мальчик слушал, обещал исправиться и продолжал делать по-своему. Тем более Вера буквально всовывала в рот сыновьям то конфеты, то печенье, то фрукты.

— Вера, зачем ты их приучаешь куски таскать? — мать наконец не выдержала. — Пусть едят на кухне!

— Ты же видела, как они едят! — огрызнулась Вера.

— Нормально едят.

— Ага, нормально. Похудели уже с твоей каши.

— А что плохого в каше? — не сдавалась бабушка. — Вы тоже кашу ели. По-моему, полезно.

— А по-моему, бесполезно, — парировала дочь. — Не привыкли они так питаться.

— Не привыкли, так привыкнут, — убедительно сказала мать, на что Вера только хмыкнула:

— Стоит ли привыкать? Мы в вашей конюшне жить не собираемся.

— Конюшня? Ты говоришь, конюшня?

Вера растерялась, по-видимому, то, что вертелось на языке, вырвалось наружу, но мать быстро успокоилась:

— Отличная конюшня, если такая кобылица выросла, — заключила она.

Дочь заулыбалась, решив обратить свою оплошность в шутку:

— Породистая кобылка, хоть сейчас на скачки, первая придёт. Да, мамочка?

— Да, Вера, да, — похлопала мать её по плечу. — Породистая.

Если мальчишки вели себя как хозяева, то Вера придерживалась роли гостыи во всём, что касалось быта. Она и кружку за собой со стола не убирала, а о том, чтобы помыть посуду или приготовить что-нибудь, убраться в квартире, и речи не шло. Единственное, что она делала — застилала постель, стирала и гладила одежду свою и ребяташек. Машинка теперь гудела каждый вечер. Места для просушки белья в ванной не хватало, и мать попросила отца натянуть верёвки в коридоре: на улице ещё было морозно, а потому вешать бельё на балконе не имело смысла.

Стратегический запас порошка и ополаскивателя, сделанный Лианой по осени, таял с космической скоростью, а Вера и не думала его пополнять.

— А что, у нас порошка нет? — спросила она вскоре у Лианы.

— Нет.

— Так надо купить! — попыталась дать указание сестра.

— Возьми и купи!

— Ты же знаешь, что мне некогда. Я с работы в сад за детьми и домой. Куда мне ещё сумки таскать? Одной рукой одного держу, другой — другого.

— Ясно.

Лиане не хотелось выяснять отношения. Лучше самой купить порошок, потратить сотню-другую, чем ругаться с сестрой.

Квартплата, которая исправно гасилась девушкой, после прописки родственников увеличилась на полторы тысячи. Сказать Вере прямо, чтобы отдавала деньги, Лиана постеснялась, но однажды намекнула сестре о необходимости платить за жильё.

— Полторы тысячи? — скривилась Вера. — Это сумма, что ли?

— Для кого-то сумма, — отозвалась Лиана.

— За дачу получу оставшуюся часть — возьму тебе, сестрица, не переживай, а то совсем обнищаешь! — ехидно пообещала Вера.

Когда старшая сестра задерживалась на службе, что случалось нередко, малышкой забирала Лиана. Она любила мгновения, когда племянники, увидев её, спешили навстречу с блеском в глазах, торопливо рассказывали свои детские новости.

Вечерами с ребяташками теперь занимались бабушка с дедушкой и Лиана: Вера, поужинав, просила её не беспокоить. Запершись в зале, она садилась за ноутбук, якобы работала.

Миша, постепенно привыкший к новой обстановке, уже не особо рвался к матери и стал предпочитать компанию деда. Одно было плохо: братья, случись взрослым ослабить за ними контроль, тут же начинали выяснять отношения. Младший, как правило, лез первым, отбирал у Кости игрушки, книги или занимал место старшего брата поближе к телевизору. Если Костя не уступал, Миша закатывал истерики, на которые с воплями прибегала Вера.

Доставалось всегда Косте, после чего он, случалось, тихо плакал, утешаемый бабушкой или дедушкой, в то время как Миша, довольный, лыбился. На попытки родителей вмешаться в ситуацию старшая дочь заявляла: «Сама разберусь, не лезьте!». Расстроенная мать тайком от мужа приходила поплакаться к Лиане, размеренная жизнь которой полетела кувырком. О систематической подготовке к поступлению в магистратуру осталось только мечтать, потому что сосредоточиться долго на чём-то практически было невозможно. Она пыталась закрывать к себе дверь по примеру Веры, но из этой затеи ничего не получалось: то один, то другой племянник заявлялся с просьбой почитать, порисовать, поиграть. Жалея малышей, Лиана скрепя сердце отложила учебные дела до лучших времён, забросила тренажёрный зал, отказалась от встреч с подругами.

Много раз она собиралась высказать Вере наболевшее, но в последний момент смелость покидала её. Надежды на скорый переезд старшей сестры в собственное жильё таяли с каждым днём. Ремонт в доме, где находилась приобретённая квартира, двигался медленно.

Порой у Лианы возникало желание снять себе жильё и съехать от всей суматохи подальше, но останавливало беспокойство за мальчишек и родителей, к тому же жаль было накопленных на отдых денег.

Успокоив себя тем, что Вера с детьми не останется с ними навечно, Лиана решила запастись терпением, подумаешь, какие-то четыре месяца, однако намерение поставить сестру на место не покидало девушку. Она ждала удобного случая,

когда они останутся в квартире вдвоём: ведь как бы тактично ни попыталась она говорить, Вера перейдёт на крик, а Лиане не хотелось, чтобы свидетелями скандала стали родители с племянниками. Зачем расстраивать близких людей, если этого можно избежать, считала она.

Наконец в очередной выходной, когда накопившаяся на старшую сестру злость вот-вот могла бесконтрольно вырваться наружу, родители повезли внуков в цирк. Лиана, воспользовавшись наступившей тишиной, взялась за чтение конспектов, но вскоре в комнате возникла Вера с чашкой кофе в одной руке и бутербродом в другой.

— В школе с третьего марта начнутся подготовительные занятия для будущих первоклашек. Я Костика записала. В пятницу с половины шестого до половины седьмого и в субботу с десяти до половины двенадцатого. Поводишь племянничка! — промямлила Вера с набитым ртом, не обращая внимания на занятия Лианы, и, откусывая на ходу бутерброд, направилась к себе.

— Что значит поводишь? — не выдержала Лиана. — Ты что, мне приказываешь? — возмутилась она.

Сестра, повернувшись, уставилась на неё.

— Я не поняла, а в чём, собственно, проблема? Тебе тяжело, что ли?

— Да, тяжело. У меня тоже есть свои дела!

— Ха-ха-ха! — Вера сделала большие глаза. — Какие у тебя дела? Лежишь вечерами, массу давишь, это я пашу как лошадь, а ты на всём готовом! Короче, в пятницу с половины шестого до половины седьмого! У меня по пятницам мероприятия в городе!

— А в субботу?

— А в субботу могу я отдохнуть?

— А я? В конце концов, это твой ребёнок!

— А твой племянник, причём любимый, — напомнила Вера. «Любимый» она выделила особой интонацией.

— Не поведу! — заявила Лиана. — Решай свои проблемы сама, с меня хватит!

Вера, сделав вид, что не услышала последних слов, удалилась.

Между тем настроение у Лианы испортилось так, что никакая учёба уже не лезла в голову. «Никуда я никого не поведу! Пусть делают что хотят!» — твердила про себя Лиана. И мать, и

отец, казалось ей, тоже на стороне Веры, помогают старшей делать карьеру, а на младшей поставили крест.

В пятницу утром мать напомнила Лиане:
 — Костю на подготовку отвести не забудешь?
 — Не забудешь! — зло буркнула девушка.

Никогда она не отвечала матери грубо, а тут не сдержалась. Нужно бы вернуться, извиниться, но тогда и в банк опоздать можно.

Служебные обязанности отвлекли внимание Лианы от утренней стычки, и когда пошла за племянниками в детский сад, то сердце переполняла уже не вина, а обида. Выходит, мать с Верой заодно, и хотя ругает мама старшую дочь, а всё же помогает, потакает ей, выгораживает перед отцом, а к Лиане приходит выведать, что та об этом думает.

Когда они с Костином завели домой Мишу, Вера, уже вернувшаяся со службы, бросилась раздевать младшего сына, а на недоумевающий взгляд Лианы бросила:

— Идите уже, десять минут осталось!

Оставив племянника заниматься, Лиана не пошла к себе, хоть дом и был рядом, а сходила в ближайший магазин за минеральной водой. Есть ей не хотелось, только пить. Вообще, чувствовала она себя неважно ещё с утра, а после обеда совсем расклеилась: болела голова, из носа текло. Лиана опасалась, что подхватила инфекцию, поэтому присела на скамейку подальше от ожидавших своих чад родителей.

Разумеется, никаких слов благодарности от сестры девушка не услышала. Мать, по-видимому рассердившись, и не посмотрела в её сторону. Переодевшись, преодолевая слабость, Лиана добралась до дивана. Никому из домашних в тот вечер до неё не было дела. Ночью она, стараясь не разбудить домочадцев, несколько раз вставала, чтобы закапать заложенный нос, принять лекарства, и только под утро заснула крепко, а открыв глаза, увидела стоящую рядом мать:

— Ну, что вылёживаемся? — спросила она недовольно. — Время девать некуда? Ныла, что готовиться в магистратуру некогда, а сама спишь до одиннадцати. Ещё и Костю не проводила в школу, пришлось отцу отдуваться. Одного отвёл, с другим на площадке гуляет, а ты по интернетам

всю ночь шарашилась, наверное? Никакой благодарности ни родителям, ни сестре старшей.

Мать, не дав ей вставить ни слова, вышла.

«Как же так, — не укладывалось в Лианиной голове, — мама даже не поняла, что я заболела, или предпочла сделать вид, что не заметила?»

На завтрак Лиана довольствовалась яблоком, вытасканным из холодильника под косым материнским взглядом. Съела его у себя в комнате, вспоминая Веру, которую накануне считала кушачницей, а нынче сама вела себя не лучше.

Лиана слышала, как возвратился с внуками отец, потом Вера, судя по разговору, купив в кои-то веки продукты. Обедать её не позвали, и, дождавшись, когда кухня опустеет, девушка налила себе тарелку едва тёплого рассольника. Ела, не добавив, как любила, сметану, словно в чужом доме, за чужим, а не за своим, привычным с детства, столом.

К вечеру она уже ощущала себя квартиранткой, задолжавшей хозяевам крупную сумму, а потому живущей на птичьих правах. У неё опять поднялась температура, пришлось лечь. «Вот так можно и помереть, никто при таких родственниках и не спохватится, — рассуждала она. — Ладно, мать. Может быть, вчера она ответила ей не очень вежливо, но отец? А Костик?»

Больше всего она ждала племянника, хотя и запретила бы ему входить, чтобы не подцепил заразу.

В ситуации конфликта с домашними Лиана оказалась впервые и совершенно не знала, как себя вести. Да, ей приходилось слышать от одноклассниц и однокурсниц об их скандалах и ссорах в семье, разногласиях с родителями, но у неё никогда ничего подобного не происходило, и она считала, что и не произойдёт. «Что делают в таком случае? Наверное, просят прощения, — думала она, — но только в чём моя вина? За что просить? За то, что не выполнила приказ Веры? Именно приказ, ведь совершенно очевидно, что сестра пытается помыкать мною на каждом шагу. Конечно, поскольку мы были наедине, ничто не помешает ей, если уже не помешало, подать разговор между нами под совсем иным соусом. Но если это так, то почему бы матери не защитить меня? А отец? Он из-за чего сердится? Ах да, ему пришлось

заниматься с внуками, потому что я заболела, а болеть я не имею права. Я, если поразмышлять, здесь вообще ни на что не имею права, даже съесть купленное мною же самой яблоко. Одним словом, Малявка».

Лиана вспомнила их взаимоотношения с сестрой с первого дня возвращения Веры под родную крышу и пришла к выводу, что зря послушалась мать и согласилась уступить. Надо было сразу показать зубы, чтобы Вера, пользуясь её бесхребетностью, не села ей на шею.

Как события станут разворачиваться дальше, если она не сделает первый шаг к примирению, Лиана представить не могла. Неужели дело дойдёт до того, что у неё будет своя полка в холодильнике, как у однокурсницы Марии, встречающейся с молодым человеком вопреки воле родителей?

Мудро сказано, что с родителями хорошо жить рядом, а не вместе. Впервые услышав о том, Лиана решила, что речь идёт о семейных парах, а не о взрослых детях, но, оказывается, и таких, как она, это тоже касается. Ошибалась, полагая, что в большой квартире им втроем вполне хватает места. Отец с матерью, вероятно, давно думали иначе.

Прикидывая так и эдак, девушка пришла к выводу, что если дела в банке будут идти не хуже, чем сейчас, то в конце года она сможет взять кредит и купить квартиру. Пусть и голые стены, но свои, а при желании сейчас, когда предложений на рынке много, можно найти и с мебелью. От поездки в санаторий, конечно, придётся отказаться, но зато будет собственный угол, где никто не станет попрекать куском.

В воскресенье, не почувствовав ожидаемого улучшения, Лиана сходила в аптеку, на обратном пути купила себе на обед пельмени, на ужин – кефир и булочку.

Семейство, похоже, объявило ей бойкот. Родные сидели по комнатам, ребятишки и те пошумели чуточку только во время купания. Уже поздно вечером Костя, приоткрыв к тёте дверь, тихонько спросил:

- Лиана, а ты почему не кушаешь с нами?
- Я болею, Костик, могу вас заразить.
- А что у тебя болит?
- Горло.

– Горло – это неприятно, – посочувствовал мальчик. – Поправляйся. Спокойной ночи!

– И тебе спокойной ночи, мой хороший! Спасибо!

После появления Костика затеплилась надежда, что племянник обязательно скажет о её состоянии Вере и та придёт, предложит помощь. Но нет, ничего подобного не случилось: отношение к ней со стороны близких не изменилось. Всё то же молчание при ней, всё те же насупленные, кроме Костика, лица. Лиана, несмотря на то что недомогала, пыталась дотянуть до праздника без больничного.

Наверное, выздоровление шло бы быстрее, если бы не тягостная домашняя атмосфера. Девушка просыпалась несколько раз посреди ночи и лежала, размышляя о том, как быть дальше, а утром, не выспавшись, с больной головой, спешила на работу. Она посоветовалась с подружками по поводу своего положения, но их мнения ещё больше запутали её: одна говорила, что надо попросить прощения или вести себя так, словно ничего не случилось, и всё само собой рассосётся, другая, наоборот, убеждала не идти на поводу у сестры и не позволять себя унижать. Ясно было одно: чем дольше протянется конфликт, тем сложнее будет его уладить. Ну, не смешно ли, что ей уже приходится питаться кашами быстрого приготовления и хранить продукты у себя в комнате на прохладном подоконнике?

Сколько раз Лиана подсказывала знакомым, как решить сложную житейскую проблему, и те потом благодарили её за толковый совет, а сейчас для себя она не могла найти выход. Получается воистину: чужую беду руками разведу, а что со своей делать, не знаю.

Во вторник в банке царил предпраздничная атмосфера, клиенты поздравляли с наступающим 8 Марта, и Лиана вынужденно улыбалась в ответ, стараясь не показывать плохого самочувствия. Перспектива провести очередной выходной среди ставших вмиг чужими людей приводила её в уныние.

– Здравствуйте, – поприветствовала она очередного клиента, не отрываясь от компьютера.

– Привет!

Она подняла глаза и радостно улыбнулась:

перед ней сидел её бывший однокурсник Антон Астахов.

Как же давно они не виделись! Симпатичный серьёзный Антон, имевший к моменту поступления в институт учёбу в техникуме и службу в армии, сразу понравился Лиане. Интуиция подсказывала девушке, что однокурсник тоже неравнодушен к ней, но, когда длинноногая смазливая Глаша Усенкова призналась, что давно сохнет по Антону, Лиана стала держаться от юноши подальше. Однако жертва оказалась напрасной: Антон в сторону Глаши вовсе не смотрел, а после первого семестра перевёлся на заочное отделение и вообще пропал из поля зрения однокурсников.

— Узнаёшь? — спросил Антон.

— Конечно, господин Астахов, как не узнать?

«Вот и этому тоже понадобился кредит», — подумала Лиана с досадой, но Антон, словно подслушав её мысли, отверг их:

— Я, Лиана, не за кредитом, хотя талончик на очередь взял.

Она кивнула:

— Хорошо.

— Был в зале вип-обслуживания и увидел тебя. Давно здесь?

— С осени.

— Не замужем?

— Нет. Извини, Антон, мне работать надо.

— Да, конечно. А во сколько заканчиваешь?

— Через полчаса.

— Может, поужинаем вместе? Я на машине, подожду.

Первым порывом Лианы было отказаться, всё-таки чувствовала она себя неважно и надо идти бы домой, но, с другой стороны, туда меньше всего и хотелось.

— Можно поужинать, — согласилась она.

Едва Лиана вышла на крыльцо, Антон появился из стоявшей неподалёку белой «Сузуки». Дождавшись, пока девушка спустится по ступенькам, галантно распахнул дверцу машины.

— Прощу!

Она, не скрывая удовольствия, осмотрела чистый салон.

— Куда поедет? Есть предложение?

Лиана, которой, в принципе, некогда было подумать об этом, честно призналась:

— Не знаю. Мы с девушками обычно в кофейне собираемся, что на проспекте.

— Кофейня — это сладости, а у нас романтический ужин.

— При свечах? — засмеялась Лиана.

— Можно и при свечах. Я знаю уютный небольшой ресторанчик. Слышала «У Павла»?

— Блинная такая есть в центре.

— Да, того же хозяина, а ресторанчик в Пригородном.

— В Пригородном? Никогда там не была. Далеко?

— Километров пять отсюда. Нормально же? Там классная кухня и музыка живая. Так что? Поехали?

— Поехали.

Антон, внимательно следивший за уличным движением, расспрашивал её о работе, об однокурсниках, а Лиане не верилось, что ещё час назад она пребывала в полной тоске, а теперь едет на приличной машине с видным парнем, бросающим на неё время от времени заинтересованные взгляды.

Однако когда город остался позади, а по сторонам дороги потянулся густой заснеженный лес, девушку охватило беспокойство: почему он повёз её в Пригородный, разве мало приличных мест в центре, где можно спокойно общаться? Потребовать, чтобы повернул назад? Глупышка всё-таки она, сорвалась, отправилась за приключениями, никого не предупредив. Конечно, если бы не разлад с родными, разве бы она помчалась с почти не знакомым человеком неизвестно куда? Впрочем, успокоила она себя, возле банка есть камера наблюдения, о чём Антону наверняка известно, да и оператор Марина видела, как она садилась в «Сузуки», ещё и рукой Лиане помахала.

— О чём задумалась? — прервал молчание Антон и, словно предупреждая её необоснованные страхи, предположил: — Испугалась? Думаешь, наверное, куда он меня везёт? Угадал?

— Немножко, — не стала скрывать Лиана.

— Пригородное — это моё детство. Я там вырос, школу начальную окончил, а потом уже мы в город перебрались.

— Да? — обрадовалась девушка. — Оказываешься, ты из Пригородного.

— Оттуда. Отец с матерью недавно снова в

посёлок вернулись, а мне в городе привычнее. Скоро будем на месте.

Действительно, прошло немного времени, и впереди замелькали приветливые огни. Антон сбросил скорость:

– Сейчас тебе наш дом покажу. Вон видишь большие ворота?

– Вижу.

– Он и есть.

Вскоре они остановились у одноэтажного каменного здания с большими освещёнными окнами. Антон протянул охраннику руку:

– Добрый вечер, Семён!

– Добрый вечер, Антон Павлович!

– Вот привёз однокурсницу показать наше заведение.

– Счастливого вечера! – пожелал Семён, широко улыбнувшись Лиане.

Приятный, не режущий глаза свет заливал небольшой, оформленный в морском стиле зал, столиков на двенадцать, примерно треть которых пустовала. Бывший однокурсник провёл свою спутницу в дальний от входа угол.

Тут же подошёл официант, с которым Антон тоже поздоровался за руку.

– Выбирай, – предложил он Лиане, раскрыв меню. – Что-нибудь выпьешь, пока заказ принесут?

– Чай, если можно, зелёный, – попросила она.

– Без проблем.

По сравнению с сидящими по соседству рядными женщинами Лиана выглядела очень просто. Раньше бы подобное обстоятельство привело её в замешательство, но теперь, когда напротив неё расположился Антон, одетый тоже не для парадного выхода, она ощущала себя королевой бала.

– Слушай, Лиана, давно хочу спросить, почему у тебя такое необычное имя?

– Отец придумал. Сестра старшая Вера (у нас с ней разница в двенадцать лет) требовала, чтобы меня назвали Любой или Надеждой. А отец упёрся – ни в какую. Ну и Вера в знак протеста стала звать меня Малявкой и до сих пор так зовёт, – сообщила возмущенно Лиана.

– Тебя? Малявкой? По-моему, пора устроить бунт на корабле.

– Уже устроила, – констатировала Лиана.

– И что? Есть результат?

– Не совсем тот, который ожидала, – вздохнула девушка и посмотрела на часы: почти десять. Наверняка домашние удивляются, где это она. Ну и пусть удивляются.

– А ты почему Антон?

– В честь Чехова. Антон Павлович. Бабуля нарекла. Мне лично нравится. У меня в старших классах и прозвище такое было: Чехов.

– Слушай, а что здесь раньше было? До ресторана? – поинтересовалась Лиана.

– Столовая. Моя бабушка работала тут буфетчицей. Бывало, набегается с пацанами – и к ней. Сядем где-нибудь в уголочке, как сейчас мы с тобой сидим, а она нам компот с пирожками. А потом предприятие общественного питания начало медленно разваливаться, и мой отец придумал открыть ресторан.

– Твой отец? – не поверила Лиана.

– Ну да. А что такого? Я ему в городе помогаю, а он тут занимается. Пока вроде нормально, конкуренции особой нет. Поселковые всё тут отмечают: юбилеи, праздники, случается, и поминки, – он вздохнул. – Такая жизнь, никуда не денешься.

– Это точно, – подтвердила девушка.

Антон подвёз Лиану к самому подъезду уже в первом часу ночи. В окнах её квартиры было темно, а на сотовом не оказалось ни одного пропущенного звонка. Она-то думала, что мать станет беспокоиться, но, похоже, ей дела нет до того, где и с кем её младшая дочь.

– Знаешь, Лиана, я рад, что мы встретились, – сказал Антон, – спасибо тебе.

– И тебе спасибо за ужин и за поездку.

Она не спешила покидать место, где чувствовала себя в безопасности и даже счастливо.

– Скажи, а ведь я тебе понравился, да, когда мы только начали учиться? А потом вдруг ты отдалась. Почему?

– Была причина.

– Это как-то связано со мной, с моим отношением к тебе?

– Нет, то есть совсем не то, – возразила она.

– Значит, увидимся завтра?

– В смысле сегодня?

– Сегодня.

– Да.

Он зашёл с ней в подъезд, обнял на прощание:

— Я, правда, очень, очень рад! Спокойной ночи!

Лиана осторожно открыла замок и, затворив тихонько входную дверь, на цыпочках прошла к себе. Теперь, после встречи с однокурсником, её настроение изменилось в лучшую сторону. Она посмотрела в окно: машины Антона уже не было. Лиана обернулась: прямо перед ней в наброшенном на ночную сорочку халате стояла Вера. «Какая она всё-таки маленькая, моя старшая сестра», — подумала Лиана, не испытывая прежнего страха перед ней.

Свет от уличного фонаря упал на лицо Веры, и Лиана не поверила: оно было заплаканным.

— Лиана, — прошептала сестра, — ты в порядке?

— Да, — ответила она едва слышно.

Вера, обняв её, стояла молча, тяжело дыша.

Наверное, ей тоже надо обнять сестру, но руки не поднимались — не потому, что ещё не прошла злость на Веру, а потому, что Лиана никак не ожидала увидеть старшую сестру в слезах.

— Лиана, — заговорила Вера без прежних властных ноток в голосе, — ты если не хочешь, то не води Костю на подготовку, я сама как-нибудь. Ну что ты так на нас разобиделась? Мы тебя потеряли. Звонили, звонили, а ты вне доступа. Уже не знали, что думать, ты же никогда раньше так не пропадала.

— Я за город ездила, в ресторан с однокурсником.

— Хорошо, хорошо, — согласилась Вера. — Мама только легла — как увидела, что ты из машины вышла, сразу и легла.

Лиана уже расстелила постель, так и не зажигая свет, когда заметила на письменном столе что-то необычное. Она включила ночник: это были две самодельные открытки: одна от Миши — нарисованный детской неумелой ручонкой красненький цветок в вазочке, другая от Кости — аккуратно наклеенная из цветной бумаги аппликация, тоже в форме цветка. Внутри открыток была надпись. Лиана сразу узнала почерк Веры: «Любимой тёте Лиане от племянника» и соответствующее имя.

«Любимой, любимой... — стучало в висках. Как давно никто не называл её так! Как давно она никого так не называла! А ведь это очень просто, если... Если что?..»

□

Ольга Иосифовна ПАШКЕВИЧ

родилась в Якутске.

Окончила Иркутский государственный педагогический институт.

Кандидат филологических наук, доцент.

Пишет стихи, прозу.

Публиковалась в журналах «Полярная звезда», «Чолбон»,

«Роман-журнал XXI век», «Невский альманах»,

в «Литературной газете» и др.

Автор шести книг.

Лауреат региональной премии имени Кирилла и Мефодия,

дипломант Всероссийского фестиваля-конкурса

«Поэзия русского слова» (2017).

Член Союза писателей России.

Заслуженный работник культуры Республики Саха (Якутия).

Живёт в Якутске.

В журнале «Север» публикуется впервые.

